

УДК 340.1

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.03

А. А. Завгородняя

Донбасская юридическая академия,
Донецк, Донецкая Народная Республика
E-mail: nastacija@mail.ru

**ПРАВООБРАЗУЮЩАЯ ВОЛЯ И ЛЕГИТИМНОСТЬ
В СООТНОШЕНИИ ИСТОЧНИКОВ И ФОРМ ПРАВА**

Аннотация. В статье рассматривается мнение о том, что в юридической науке на сегодня не существует единого понимания таких правовых категорий, как форма и источник права. Отмечается, что не определено значение соответствующей последовательности в рамках отображения равновесия индивидуальных, публичных, а также государственных интересов, которые, в зависимости от государственной идеологии и политического режима, могут и противостоять публичным интересам в классическом значении. Также в современных исследованиях такие категории (определения), как источники и формы права, более не отождествляются и не выступают синонимами. Взгляды на данные категории в науке различны. Относительно легитимации отмечается, что она неразрывно коррелируется с термином «легитимность» и предполагает признание и подтверждение законности (легитимности) власти, социального института или статуса, полномочий. Сформулированные положения и выводы в исследовании позволяют утверждать, что понимание и исследование источников права на современном этапе должны рассматриваться с учетом идентификации правообразующей воли как способа, отражающего правообразующее намерение.

Ключевые слова: право; легитимность; легитимация; источники права; формы права; правообразующая воля; судебный прецедент.

UDC 340.1

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.03

А. А. Zavgorodnyaya

Donbass Law Academy,
Donetsk, Donetsk People's Republic
E-mail: nastacija@mail.ru

Law Forming Will and Legitimacy in the Ratio of Sources and Forms of Law

Abstract. The article discusses the opinion that there is no common understanding of such legal categories as the form and source of law in legal science today. It is noted that the value of the corresponding sequence has not been determined within the framework of displaying the balance of individual, public, as well as state interests, which, depending on the state ideology and political regime, may also oppose public interests in the classical sense. Also, in modern studies, such categories (definitions) as sources and forms of law are no longer identified and are not synonymous. Views on these categories in science are different. Regarding legitimation it is noted that it is inextricably correlated with the term

of legitimacy and involves the recognition and confirmation of the legality (legitimacy) of power, social institution or status, authority. The formulated provisions and conclusions in the study allow us to assert that the understanding and study of the sources of law at the present stage should be considered taking into account the identification of the law forming will as a way that reflects the law forming intention.

Keywords: law; legitimacy; legitimation; sources of law; forms of law; law forming will; judicial precedent.

Введение

Право в социально-ценностном понимании стало необходимым и незаменимым инструментом, который позволяет индивидам и социальным группам иметь гарантированные средства для удовлетворения своих потребностей с учетом потребностей других субъектов со смежными либо конкурирующими интересами. В связи с этим, учитывая динамику гармонизации правовых систем в процессе международного взаимодействия, переоценка нетипичных для традиционного правопонимания источников права обуславливает исследование их действия, в чем важное место отводится поиску критериев их легитимности. Поскольку традиционно основу отечественного правопонимания составляла идея этатизма, проблемы легитимности права и легитимности государственной власти долгое время не поднимались либо исследовались частично. Одна из наиболее популярных тем в отечественной теории права — тема законности. Законность определяется как соблюдение закона всеми субъектами, но при этом не упоминается о признании в обществе в целом либо отдельными субъектами в частности положений, закрепленных в законодательстве [6, с. 12]. В этой связи уместной будет отсылка к высказыванию Г. Кельзена об обобщении юридического позитивизма, при котором «всякое произвольное содержание может быть правом» [2, с. 3].

Методы

Методологическую основу работы составили как общенаучные, так и частно-научные методы исследования в комплексе. В частности, в статье использованы системно-функциональный и синергетический подходы. В рамках указанных подходов использованы методы логические, формально-юридические, теоретического анализа, синтеза, приемы научного моделирования и обобщения, а также метод сравнительного правоведения.

Основная часть

Проблематика легитимности многогранна. Стоит отметить, что понимание смысла права определено множеством факторов, среди которых результативность, действенность и собственно признание права как ценности и средства реализации интересов субъектов, а также определено типами правопонимания. Процесс легитимации в юридической литературе неразрывно связывается

с термином «легитимность» и подразумевает непосредственно признание и подтверждение законности (легитимности) власти, социального института или статуса, полномочий. Такое подтверждение законности всегда опирается на установленные в соответствующем обществе ценности, подверженные динамике в рамках развития общества, их границы четко не установлены и всегда носят относительный и субъективный характер. Само общество всегда неоднородно, а признание ценностей не носит рационального характера и подвержено влиянию эмоциональной составляющей. Следовательно, говорить лишь о соответствии конкретных правоустановлений универсальным ценностям (равенству, справедливости, свободе) будет необъективно и неправильно [5, с. 68]. Такое положение усложняет интерпретацию смысла права, заложенного в определенном правовом тексте.

Указанная проблематика обуславливает цель поиска оптимальных моделей сосуществования и развития человека, общества, государства, а также особого рода коммуникации отдельных индивидов и государства и их развития. Такая модель должна позволить адекватно отображать и реализовывать разноуровневые и разнохарактерные частные и публичные интересы в актах государства и муниципальных органов как основных формах закрепления права в отечественной правовой действительности.

Источники и формы права, а также их соотношения являются предметом научных исследований, среди которых можно отметить работы О. С. Болгова, Ф. М. Гаджинова, В. В. Ершова, М. В. Кича, Г. В. Мальцева, С. В. Мирошкиной, В. И. Синайского, М. К. Сулейменова, М. Ю. Спирина, Г. Ф. Шершеневича. Тем не менее в научных кругах единства по поводу соотношения категорий форм и источников права не достигнуто, не определено и значение соответствующей последовательности в отображении критериев равновесия индивидуальных, публичных, а также государственных интересов, которые, в зависимости от государственной идеологии и политического режима, могут и противостоять интересам публичным в их классическом значении.

На современном этапе развития учений о праве произошло разделение понятий источников и форм права, которые ранее признавались синонимами. Накопление знаний о праве в информационном обществе, плюрализм правопонимания, глобализация теоретических знаний о праве привели к тому, что отрицать значение единства правообразующих факторов и форм отображения права, а соответственно, и разграничения источников и форм права, на что указывают некоторые исследователи, означало бы отказ от учета в рамках правовой действительности важных детерминант, а также поверхностное отношение к тем возможностям теоретического и практического характера, которые дает дифференциация правопорождающих факторов [3, с. 49].

Традиционный подход в отечественной юриспруденции к пониманию форм права является плюралистическим, при котором к содержанию этого понятия относится право в историческом значении, в значении идеологическом (как идей, влияющих на правотворчество) и в значении условий социальных отношений,

с целью урегулирования которых и появляются правовые предписания. Основное значение в таком подходе придается формальным источникам права как исторически сложившимся в современной правовой доктрине [4, с. 32]. Предполагается, что именно они отражают истинную правовую волю.

Развитие подходов к пониманию права, учитывающих его многоаспектность, позволило определять его правогенез с учетом разносторонних характеристик не только с позиции формы отражения правил поведения, но и с позиции целеполагания, социальных факторов влияния на правообразование и правотворчество, ценностей. В частности, С. В. Мирошкина в своем исследовании определяет право в качестве системы правовых представлений о должном и возможном поведении участников общественных отношений, основанных на принципах справедливости, равенства и ответственности. Отмечается, что именно такое представление о праве позволяет установить соответствующий правовой режим, который будет характеризоваться оптимальным соединением частных и публичных интересов, а также интересов государственных. Праву присуща содержательная (внешняя) сторона, в которой учитываются идеологические и материальные части самого права (отношения как источника) [14, с. 35]. Однако С. В. Мирошкина, как и другие исследователи, хоть и придерживается концепции неразделения понятий источников и форм права, но признает источники права так: в материальном смысле — как условия жизни, порождающие инициативу правового регулирования, в идеальном смысле — как правосознание правотворческого органа, и в формальном — как различные формы выражения правил поведения [Там же, с. 36]. Такая позиция свидетельствует о том, что, по сути, автор признает правопорождающую силу для таких формальных источников, как нормативные акты, объединяя ее из материальных и идеальных источников.

Т. В. Кашанина высказывает позицию, что источники права — это воля субъектов правотворчества, каковой может быть: воля человечества (права человека, принципы права); воля народа (референдумные нормы); воля государства (законодательные нормы); воля коллектива (корпоративные нормы); воля отдельных индивидов, организаций (договорные нормы) [10, с. 41]. Следует в этом контексте отметить и волю государств в формировании положений транснациональных актов жесткого и мягкого права. Тем не менее в этой системе взглядов нет места для явлений, которые обусловили эту волю. Чаще они находятся вне права, но для понимания смысла права, а также его социальной ценности их невозможно не учитывать.

В. В. Ершов понимает под источниками права факторы (начала), его (право) творящие, а под формой права — внешнее их выражение [7, с. 10]. Позиция, в соответствии с которой источники права — это сила, создающая правовые предписания, а формы права — внешнее и внутреннее выражение права, является достаточно распространенной [8, с. 53].

Есть и другие взгляды на источники права, под которыми понимаются: правопроизводящие силы [19, с. 36]; сила, создающая право и факторы правообразования [12, с. 343]; сила, творящая право, а закон является формой, в которой

находит внешнее выражение право, которое вырабатывается всеми элементами общественного сознания [Там же, с. 345]; объективная всеобщая воля.

Взгляды на формы права также различны. Формы права В. И. Синайский понимает как выражение правообразующих сил [15, с. 68], Т. В. Кашанина — как резервуары, в которых содержатся юридические нормы. Т. В. Кашанина выделяет следующие исторически образованные формы права: правовой обычай, религиозные нормы, юридический прецедент, деловой обычай, правосознание, нормативный акт, юридическая доктрина, судебная практика, моральные воззрения, договор [10, с. 12]. Изложенная система форм права, по нашему мнению, не является точной, поскольку, например, правосознание, мораль являются идеологической основой для субъекта, выражающего свою юридическую волю в форме, которая будет приемлемой для восприятия.

По мнению М. Ю. Спирина, следует отходить от монистической и плюралистической моделей восприятия категории «источник (форма) права», учитывая различие типов правопонимания в восприятии источников права и его различных форм [17, с. 24]. Форма права является средством закрепления и документального выражения юридических норм, содержащих в себе уже выраженную (отраженную) волю субъекта правотворческой деятельности, выступающего как источник права [16, с. 44]. Исследователь раскрывает соотношение и проводит дифференциацию истоков права, источников права, форм права с позиции волевой концепции правообразования. Факторы правотворчества, являясь истоками, оказывают влияние на субъект воли, который правомочен выразить ее в правовых нормах и закрепить в соответствующих нормативных документах [17, с. 24]. Следует поддержать данную позицию линейного восприятия источников права через волевой критерий, поскольку он позволяет дифференцировать факторы правообразования, правообразующую волю и форму закрепления воли в урегулировании конкретных отношений.

Несоответствие монистической модели источников права правовой действительности и ее несостоятельность в рамках понимания права как многоаспектного явления объясняется следующим. В позитивизме источником права является воля государства, а формой, выражающей правила поведения, — нормативный акт. В этой теории не учитывается правообразующий фактор, который объективно существует и воздействует на субъекты правотворчества: условия и обстоятельства социальной действительности, в которой проявляются различные потребности ее субъектов. В этом истоке права и проявляется его смысл. Без соответствующего целеполагания, связанного со сбалансированной возможностью реализации множественности интересов, правовая система имеет этактические признаки и воспроизводит право в самом себе, являясь закрытой системой, которая становится неэффективной. Линейная теория позволяет найти в правовой системе и правовой действительности место для источников, форм права, которые по различным причинам особенностей правопонимания оспариваются в доктрине права.

Проведенное М. В. Кичей исследование по обобщению взглядов на источники права с позиции интегративного правопонимания позволило ей сделать

вывод, что четкая, логичная, целостная, гармоничная и научно обоснованная система форм и источников внутригосударственного и международного права отвечает всем требованиям для применения ее в современной правовой системе России и необходима для эффективного правового регулирования и решения ряда актуальных теоретических и практических вопросов [11, с. 31]. Выбор подходов для решения указанных проблем имеет свое значение в вопросе определения соотношения между внутригосударственным и международным правом, а также правообразующей волей и, что первостепенно, между целеполагающей и инструментальной сущностями права.

Для дальнейшего анализа в качестве примера возьмем правовые акты конститутивного и конвенционального значения.

В соответствии с действующими положениями Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы (ч. 4 ст. 15). Следует отметить положение о верховенстве Конституции РФ над международными соглашениями РФ. Они обуславливают в теории права и на практике множество вопросов, требующих доктринального анализа, к которым относится и проблема взаимодействия и соотношения источников международного и национального права, определения роли судов в применении международного права [11, с. 30; 9, с. 17].

Относительно судебного прецедента обратим внимание на мнение М. К. Сулейменова, который утверждает, что внедрение судебного прецедента как источника права отечественного законодательства является одной из существенных угроз принципу верховенства права в целом. В одном из своих исследований автор аргументирует данный вывод, во-первых, исторической особенностью правовой системы Англии — классического примера прецедентного права, во-вторых, наличием мощной системы контроля. Автор указывает на то, что правовая система Англии имеет особое отношение к нормативному акту, которое не свойственно отечественной правовой системе. Несмотря на распространение нормативного акта как источника права, суды Англии обладают правом корректировки его применения. Традиционно прецедентное право не устанавливается законодательством, а связано с правовым обычаем. Действует так называемое право справедливости. Тем не менее, несмотря на сближение двух разных правовых систем и унификацию международных норм по разным направлениям, отношение к нормативному акту традиционно остается различным, что связано с разными типами правопонимания и юридического мышления в целом. На сегодня тезис об ориентированности отечественного законодательства в сторону рассмотрения судебного прецедента как источника права, его внедрения и заимствования является в корне неверным по ряду причин. Не углубляясь в мотивирование недопустимости судебного прецедента как источника права в правовой системе, М. К. Сулейменов утверждает, что речь должна идти не о появлении нового источника права в отечественном праве, а о расширении значения самого судебного решения, повышении объективности решений,

их обоснованности, законности. Иными словами, судебное решение должно выступать должным образцом, примером для принятия последующих решений по аналогичной группе дел. Поэтому исследователь утверждает, что в рамках российского права можно говорить лишь о специальном значении понятия «прецедент» как «прецедент толкования закона»¹.

Анализируя судебный прецедент как источник права, стоит остановиться и на юрисдикции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Так, на основании Федерального закона от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» Россией признается *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикция ЕСПЧ обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях их предполагаемого нарушения Российской Федерацией². Ратификация этой конвенции сделала актуальным вопрос о юридической природе решений ЕСПЧ в системе отечественного права. По мнению Г. В. Мальцева, действия ЕСПЧ не содержат элементов импровизированного нормотворчества ввиду того, что эти решения основаны на Конвенции и других актах. ЕСПЧ обладает правом толкования положений Конвенции, что по своей природе не является созданием новой нормы права (с этим сложно не согласиться). Толкование нормы и создание нормы права через судебный прецедент — разные процессы. По мнению Г. В. Мальцева, «в решениях суда по правам человека отсутствует основополагающий признак судебного прецедента как самостоятельной формы права» [13, с. 642].

Однако с учетом того, что Конвенция является живым инструментом и подлежит эволюционному толкованию, ЕСПЧ приспособливает нормы Конвенции к реалиям изменяющихся общественно-правовых условий и, по сути дела, наполняет конвенционное регулирование новым содержанием. При этом следует подчеркнуть, что суд не выходит за установленные Конвенцией и Протоколами к ней правовые рамки. ЕСПЧ может отменять ранее созданные правовые позиции и формулировать новые, если для этого есть убедительные основания, в частности необходимость обеспечения того, чтобы толкование Конвенции отражало изменения в обществе и оставалось соответствующим социальным реалиям. ЕСПЧ, используя имеющийся у него правовой инструментарий, создает на основе положений Конвенции и Протоколов к ней новые нормы права (нормы толкования), которым должны следовать субъекты права государств — участников Конвенции [1]. То есть цель Конвенции, как и цель любого акта, заложенная законодателем, может и, по сути, должна меняться, а суды, применяя нормативный акт, должны учитывать правообразующий

¹ Сулейменов М. К. Верховенство права: идея и реальность // Юрист — законы Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34129124 (дата обращения: 24.06.2022).

² О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: ФЗ от 30.03.1998 г. № 54-ФЗ // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-30031998-n-54-fz-o/> (дата обращения: 24.06.2022).

фактор (исток права), они же формируют правовую волю и отражают ее в судебном решении в соответствии со смыслом права.

В этом смысле Конвенцию и решения ЕСПЧ можно соотнести с законом и подзаконным нормативно-правовым актом, где подзаконный акт должен соответствовать акту высшей юридической силы, регулируя отношения, исходя из социальных условий и потребностей в их динамике. В этом контексте можно привести пример Конституции РФ, в которой общественные отношения, урегулированные в зависимости от публичных потребностей и социальных условий, подлежат контекстуальному урегулированию на уровне иных нормативных актов с учетом нормативно установленных императивов, ориентированных на стабильные конституционные ценности. Но императивы, учитывая смысл права в отражении его истоков, сами по себе должны быть легитимны. В этом контексте конституция страны априори должна быть правовым законом, то есть нормативным актом, отражающим смысл права, а средства конституционного контроля играют важнейшую роль в оценке легитимности иных нормативных актов.

Решения Конституционного суда РФ представители доктрины права и конституционного права называют «вторичными источниками права», «теневыми» источниками права, в том числе и потому, что его решения имеют прецедентный характер [18, с. 52]. Если рассматривать акты Конституционного суда РФ либо ЕСПЧ в качестве актов обязательного толкования нормы права, тогда они отражают актуальные, индивидуализированные интересы, могут содержать в себе новые положения, конкретизирующие положения толкуемых норм, подлежащих применению и изменяющих практику применения, а поэтому являются формами права. Конституция РФ, закрепляя основы российского общества и правопорядка в нем, также является живым инструментом, призванным и позволяющим отразить согласование интересов, обеспечить равновесие интересов, представленных в обществе в их динамике.

Выводы

Развитие современного общества обуславливает, бесспорно, необходимый глобальный дискурс по поводу характеристики действительности права, содержанием которого является обеспечение правом значимых в обществе интересов в их уравновешенном состоянии, в том числе в их динамике. Это детерминирует формирование и реализацию права на основе установления действительного смысла права через идентификацию правообразующих факторов и воли. В связи с этим автор выдвигает гипотезу относительно понимания и исследования источников права как воли, выражающей полилогическое либо субъективное намерение в получении благ, являющихся предметом интересов в обществе. Содержание выраженного намерения как источника права имеет межсубъектную природу в связи с презюмируемым согласованием/согласием субъектов на определенное соотношение интересов. Воля,

в зависимости от субъекта правообразования и наличия справедливого правообразовательного дискурса, определяет в первую очередь способы и меру реализации возможностей, которые отражают соответствующие интересы, а в последующем позволяют динамично интерпретировать, при толковании норм права и их применении, данное правообразующее намерение.

Литература

1. Аверьянов К. Ю. Решения Европейского суда по правам человека в системе источников права // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 2. С. 275–281.
2. Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / пер. с нем. А. Н. Лаптев, при участии Ф. Кальшойера. М.; Берлин: Инфотропик Медиа, 2011. 173 с.
3. Болгова О. С. Основные источники права // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 92. С. 48–50.
4. Гаджинова Ф. М. Источники права и их система в современном российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 171 с.
5. Голенок С. Г. Легитимность и эффективность права: к вопросу о понятиях, их содержании и соотношении // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 2 (15). С. 67–78.
6. Денисенко В. В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2020. 605 с.
7. Ершов В. В. Источники и формы российского права // Российское правосудие. 2009. № 6. С. 4–15.
8. Ершова Е. А. Источники и формы трудового права в России // Трудовое право. 2007. № 10. С. 43–57.
9. Ершов В. В., Ершова В. А. Современные проблемы международного права // Российское правосудие. 2006. № 2. С. 17–28.
10. Кашанина Т. В. Эволюция форм права // Lex Russica. 2011. № 1. С. 34–53.
11. Кича М. В. Соотношение форм и источников права с позиции интегративного правопонимания // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 25–31.
12. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права [репр.] / авт. предисл. И. Ю. Козлихин. М.: Юридический центр Пресс, 2003. 354 с.
13. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 799 с.
14. Мирошник С. В. Источник права и форма права: соотношение понятий // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 35–37.
15. Синайский В. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. 636 с.
16. Спирын М. Ю. Источник и форма права: волевая парадигма // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2018. № 2. Т. 1. С. 42–49.
17. Спирын М. Ю. Соотношение истока права, источника права и формы права с позиции волевой концепции правообразования // Юридический вестник Самарского ун-та. 2018. № 1. Т. 4. С. 23–27.
18. Хабриева Т. Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. М.: Юристъ, 1998. 244 с.
19. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: СПАРК, 1995. 556 с.

Literatura

1. Aver`yanov K. Yu. Resheniya Evropejskogo suda po pravam cheloveka v sisteme istochnikov prava // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2012. № 2. S. 275–281.
2. Aleksi R. Ponyatie i dejstvitel`nost` prava (otvet yuridicheskomu pozitivizmu) / per. s nem. A. N. Laptev, pri uchastii F. Kal`shojera. M.; Berlin: Infotropik Media, 2011. 173 s.
3. Bolgova O. S. Osnovny`e istochniki prava // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2009. № 92. S. 48–50.
4. Gadzhinova F. M. Istochniki prava i ix sistema v sovremennom rossijskom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2004. 171 s.
5. Golenok S. G. Legitimnost` i e`ffektivnost` prava: k voprosu o ponyatiyah, ix sodержanii i sootnoshenii // Rossijskij zhurnal pravovy`x issledovanij. 2018. № 2 (15). S. 67–78.
6. Denisenko V. V. Legitimnost` prava (teoretiko-pravovoe issledovanie): dis. ... d-ra yurid. nauk. SPb., 2020. 605 s.
7. Ershov V. V. Istochniki i formy` rossijskogo prava // Rossijskoe pravosudie. 2009. № 6. S. 4–15.
8. Ershova E. A. Istochniki i formy` trudovogo prava v Rossii // Trudovoe pravo. 2007. № 10. S. 43–57.
9. Ershov V. V., Ershova V. A. Sovremenny`e problemy` mezhdunarodnogo prava // Rossijskoe pravosudie. 2006. № 2. S. 17–28.
10. Kashanina T. V. E`voljuciya form prava // Lex Russica. 2011. № 1. S. 34–53.
11. Kicha M. V. Sootnoshenie form i istochnikov prava s pozicii integrativnogo pravoponimaniya // Yuridicheskaya nauka. 2014. № 2. S. 25–31.
12. Korkunov N. M. Lekcii po obshhej teorii prava [repr.] / avt. predisl. I. Yu. Kozlixin. M.: Yuridicheskij centr Press, 2003. 354 s.
13. Mal`cev G. V. Social`ny`e osnovaniya prava. M.: Norma: INFRA-M, 2011. 799 s.
14. Miroshnik S. V. Istochnik prava i forma prava: sootnoshenie ponyatij // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. 2013. № 5. S. 35–37.
15. Sinajskij V. I. Russkoe grazhdanskoe pravo. M.: Statut, 2002. 636 s.
16. Spirin M. Yu. Istochnik i forma prava: volevaya paradigma // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishheva. 2018. № 2. T. 1. S. 42–49.
17. Spirin M. Yu. Sootnoshenie istoka prava, istochnika prava i formy` prava s pozicii volevoj koncepcii pravooobrazovaniya // Yuridicheskij vestnik Samarskogo un-ta. 2018. № 1. T. 4. S. 23–27.
18. Xabrieva T. Ya. Tolkovanie Konstitucii Rossijskoj Federacii: teoriya i praktika. M.: Yurist`, 1998. 244 s.
19. Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izdaniyu 1907 g.). M.: SPARK, 1995. 556 s.

Статья поступила в редакцию: 07.06.2022;
одобрена после рецензирования: 23.06.2022;
принята к публикации: 25.06.2022.

The article was submitted: 07.06.2022;
approved after reviewing: 23.06.2022;
accepted for publication: 25.06.2022.